ной традиции, М. Н. Тихомиров считает «Временник русский», известный во множестве списков, но совершенно не изученный в историографии.[9]

Правда, нужно признать, как это и делают А. Н. Насонов и С. Н. Азбелев, что летописные произведения XVII в. уже имели элементы исторического исследования, а нелетописные, как добавим, все еще были сильно похожи на летописи.

Но когда мы говорим о новых видах исторических произведений, появившихся в XVII в., то мы должны иметь в виду не столько замену летописной формы изложения повествовательной, сколько новое понимание истории со всеми вытекающими из этого методологическими и источниковедческими приемами.

Все исторические произведения XVII в. еще очень далеки от науки. В них можно только наблюдать элементы научности. Эти элементы научной критики мы встречаем и в произведениях нового типа и в летописании Москвы и Новгорода конца XVII в. В них уживаются зародышевые средства научности с религиозным мировоззрением, теологическим и телеологическим объяснением истории. Но сам факт сосуществования попыток научного подхода к объяснению истории с религиозным миропониманием уже все-таки являлся шагом вперед. Светская, гражданская идеология вытесняла церковную. Постепенно начавшееся изгнание божественной воли и дьявольских козней в качестве монопольного объяснения истории и замена средневековой схоластики попытками установления причинной взаимосвязи событий, психологическим объяснением деятельности исторических персонажей явились преддверием науки.

Таким образом, XVII в., а точнее — время примерно со второй половины XVI в. до начала XVIII столетия включительно являлось, по нашему мнению, переходным периодом от донаучного знания к научному, т. е. к историческим произведениям с философией истории и критикой.

Поэтому полагаем, что нельзя правильно понять закономерностей развития исторической мысли в России XVII столетия без признания переходного периода в русской историографии, растянувшегося почти на два столетия. После пяти веков господства летописания переход к научной разработке истории не мог произойти в более короткий исторический срок, тем более в стране, которая в социально-экономическом и культурном развитии отставала от передовых европейских держав.

Для того чтобы правильно подойти к характеристике исторических произведений конца XVII—начала XVIII в., нужно не только уяснить разницу между донаучными и научными историческими трудами, но и признать различие между летописанием периода летописной историографии и летописанием позднего времени, начиная примерно со второй половины XVI в. Можно предположить, что уже в огромных сводах того времени, таких, как Никоновский, известия, встречающиеся только в них, зависели не столько от предполагаемых источников, до нас не дошедших, сколько от домыслов авторов этих произведений. Если фантазии историописателей XVII в. в объяснении древнейших судеб русского народа все меньше и меньше принимаются во внимание современными исследователями эпохи древней Руси, то к известиям XVI в. о тех же далеких сюжетах отечественной истории можно отнестись с таким же недоверием.

---

[9] Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 94. — Н. Тихомиров ссылается на рукопись Исторического Музея в Москве, Отдел рукописных и старопечатных книг, Музейное собрание, № 1473. Одну из редакций «Временника» знал Н. М. Карамзин и использовал ее в «Истории государства Российского».